

О природе — начистоту

ПРЕЖДЕ всего мне хотелось бы высказать досаду, как наши газеты всегда поразительно невозмутимо упоминают о все возрастающих беспорядках на лоне природы. Выступлений на эту тему появилось довольно много за последние два-три года. Почти каждая газета, если не через номер, то через несколько, сообщает в тоне детского удивления о новом каком-нибудь случае безобразного пренебрежения к богатству и красоте родной природы. Вообще возрастающее внимание нашей печати к этой довольно запущенной теме можно было бы и приветствовать, если бы не этот обидно-всепрощающий тон большинства газетных выступлений. Тон этот, мягко говоря, неправильный, явно вредный. В нем так и переливаются нотки извинения, этакое задушевного увещания всяких почтенных производственников, отравляющих нам реки и воздух, разбазаривающих по способности наши леса. Вчера, скажем, один высокий хозяйственный вылавливал осетрового малька для выполнения плана по тюльке. Другой нынче травит рыбу отходами своей многополезной деятельности, причем оплачивает штрафы за нанесенный государству и народу ущерб государственными же и народными деньгами (ух, какой же смешной материал для умного сатирика либо сценариста!). Третий в прямом смысле слова коптит скверным дымом небо над нашими детьми. И этих людей, сделавших своим девизом гадкую фразу «на наш век хватит», их все увещивают — без особого, кстати, успеха.

Нет, тут пора поговорить жестоко и откровенно, ибо следует засучивать рукава и браться в драку, когда речь заходит о благе, чести или зеленом лике Родины.

Мне то и дело приходится отрываться от своего рабочего стола: ежедневно из разных мест звонят и пишут о сущих злодеяниях по отношению к природе и просят помочь прекратить эти злодеяния. То раздается вопль из Сочи: в знаменитом дендрарии какой-то местный деятель решил вырубить участок столетних коллекционных деревьев под строительство какого-то общежития. То звонит лесничий из подмосковного Раменского: у нас тут электрики собираются вырубить двадцать восемь гектаров восьмидесятилетнего дуба, — видите ли, топоры обойти лень! Но все же обошли в результате, и дубрава спасена. А то жалуются избиратели: некое предприятие в центре города выбрасывает в воздух столько серного дыма, что занавески на окнах истекают за полгода.

И сколько же этих негодующих, порою гневных писем! Иногда что-то толковое и получается после вмешательства, если ласково кого-то попросить, хотя общественность в этой части имеет право говорить с пристрастием и просто требовать! Много бумаги исписал я на эту тему, но в большом масштабе, я считаю, особой пользы мои усилия не принесли, ибо, что там ни говори, вся моя епархия, все царство мое — этот самый квадратный метр письменного стола.

На глазах наших происходит самое страшное: испытанные энтузиасты «зеленого друга», бескорыстные вояки за красоту Родины устают говорить и кричать в защиту природы, начинают помаленьку затихать и сдаваться. Нужно кому-то очень резко вмешаться, чтобы остановить этот процесс разрушения нашей природы, по силе возможности повернуть его

вспять. На мой взгляд, дело зашло слишком далеко, поэтому необходимы тут и соответствующие крутые меры.

Одного закона об охране природы, даже если это получится очень строгий закон, недостаточно. Мне кажется, для поправки дела с природой потребуются еще два важнейших государственных шага. Во-первых, создание Государственного комитета по охране природы при Совете Министров СССР, мощного комитета, который бы возглавил соответственно большой партийный человек, знаток своего дела. И, во-вторых, нужно создать новое массовое, низовое, в помощь комитету, добровольное общество защиты «зеленого друга», общество, наделенное не только правом вскапывать почву соседнего сквера на весеннем субботнике, но еще и кое-какими безоговорочными полномочиями — в смысле жарко поговорить с местными нерадивыми властями и, может быть, даже постучать по ихнему столу. Туда должны войти патриоты природы (они же всегда и первые патриоты Отечества!), местные садоводы-любители, пионеры, не заменимые ничем в этом святом ратном деле уважаемые наши краеведы и практики-лесники.

Короче говоря, это должны быть люди, которым дорог каждый пейзаж, каждый древесный ветеран в нем, — об одном из них в прошлом веке Мэрзляков сложил славную, до сих пор звонкую песню! — каждый валун в округе, ибо и он в некотором смысле — примета родного края, а такие люди как раз и есть краеведы, которые могут указать вам и где растет какой-нибудь *Struthiopteris*, или, скажем, шибко поредевший теперь, мечта любителей «Венерин башмачок», и где тут со своей дружиной воевода Боброк при Куликовской битве в засаде прятался. Этот, когда-то огромный и значительный институт защитников природы, краеведов, к сожалению, глхнет год от года, а еще хуже всего — смиряет, и пора бы подумать, что надобно нам сделать, чтобы внушить ему дерзость, силу и чтобы он, наоборот, начал отныне буйно процветать. И тут надо вспомнить о наших великих резервах — школьниках и молодежи, ибо именно из них ветеранам природы надлежит черпать достойное пополнение.

Помню, в 1947 году я написал для «Известий» статью «В защиту друга». По напечатании ее я получил уйму жарких писем — от академиков, от домохозяек, военных, инвалидов, служащих, пионеров, словом, самого разного круга людей. А вот от вступающей в жизнь молодежи, которой завтра мы уступим места у всех пультов страны, писем было, мягко говоря, уже необъяснимо мало. А ведь эта часть наших граждан с удовольствием поет на вечеринках песни про черемуху да рябину, ломает по весне, кушает ее в мороженом виде, а вот заступиться за природу — вроде бы и руки не доходят. Почему это происходит, откуда? Потому что в наших школах ребята с малых лет не прививают деятельной любви к природе. Министерство просвещения до крайности мало работает в этом направлении. Конечно, прямое дело школы — постепенно готовить из детей будущих агрономов, инженеров, но развивать ребячий интеллект, воспитывать характеры надо под углом практической, с малых лет, преданности родной земле. Будь моя воля, я бы непременно ввел в программу начальных классов «час родной природы».

Надо создать кадры таких вдохновен-

ных педагогов — поэтов родной природы, которые могли бы выразительным, на всю жизнь запоминающимся словом внушить малышам, что хотя они и являются маленькими, очень маленькими, начинающими пока гражданами, но всегда имеются вокруг них уйма еще меньших, нуждающихся в их защите существ, полезных и поразительно тротательных — вроде птиц, муравьев, зверюшек, которые пугливо прячутся при появлении человека в лесу — то с ружьем, то со спичками для костра, то с бутылкой водки, которую потом хамски разгрохают об ствол — «чтоб не пропадала», то с пилкой — палочку с набалдашником организовать, и просто с ножичком — вырезать на березе свое и сопроводительной девичьи имена в обозначение того, что под означенной березой они полной чашей испили радость бытия.

Пишу об этом уже в который раз, — авось дойдет до слуха надлежших, приставленных к педагогическому штурвалу лиц.

Надо объявить самую жестокую массовую, деловую борьбу с пренебрежением к этим хрупким, неохраняемым богатствам природы. Без этого, я считаю, все административные постановления с параграфами будут бесполезны.

Правда, не знаешь даже, как это и называть: в пригородных лесах уже вы не найдете ни одного не изуродованного муравейника. Идет по лесу этаким взрослым, вроде как бы номенклатурный дядя, скучает, а увидел муравейник на пути, просиял вдрут и — раз, проковырнул его посошком до дна для забавы, получая удовольствие от великой муравьиной суматохи, ничем не меньшей, чем у людей после основательной бомбежки. (А невдомек дураку, что один такой муравейник за летние сутки уничтожает до двадцати тысяч насекомых. Кстати, в Германии по этой причине даже специально разводят муравьев в лесах.) А то вот недавно я наблюдал в Переделкине, как два трезвых половозрелых парня мчались с дубинками за уже хромой, подбитой белкой. Жаль, что милиция не велит в таких случаях прибегать к прямому физическому воздействию тем средством, что под руку подвернется, в отношении к таким вот злобным недорослям и недоумкам. Или был я как-то в Плесе на Волге, прославленном кистью Левитана. Я поднялся на бугор и увидел изумительной красоты рошу, где каждая береза, верно, екатерининских времен, была в два обхвата. И не нашел там ни дерева без зверских увечий, нанесенных чьим-то вдохновенным мимоходом топором... Какой исполинский, злодейский, не вознагражденный мордобоем труд!

Пора приняться всерьез за обучение некоторых граждан уважению общества и его, общественного, достоинства, а параллельно усилить и присмотр за ним. Уместно, мне думается, попутно вспомнить также, что при радетельном лесном хозяине Петре, к примеру, от трехрублевого штрафа за нарушение лесного распорядка два рубля шли в пользу лесников. И вряд ли в ту пору возможны были случаи, чтобы лесник не только разрешил украдкой воровскую порубку, но и помогал за поллитра собственноручно заготовить дровишек иному щедрому дачнику. Говорю это к тому, что слишком уж таинственно и быстро стали у нас исчезать рослые здоровые деревья на дачных участках вблизи городов.

Вскоре после того, как в «Известиях» была напечатана статья «В защиту дру-

га», в Грузии было создано общество «Друг леса», которое с тех пор добилося, правду сказать, поразительных успехов. «Друзья леса» провели там настоящее генеральное зеленое наступление. Я был там этой весной и с завистью созерцал их победы. Миллионы зеленых крон — а не полуживых сеянцев! — украсили Грузию, ее дороги и милые холмы, воспетые Пушкиным. «Зеленый друг» в Российской Федерации — да простят мне несвоевременное вроде противопоставление! — отстал в этом деле от Грузии на целых тринадцать лет. Да и не только РСФСР. Я убежден, что если бы на Украине пораньше отдали в руки молодежи и школьников всякие степные овраги и, уже со следами эрозии, балки да посередней, не казенно объяснили бы им, что и во имя чего там нужно сделать, — пустынные те места давно стали бы настоящими оазисами в степи, а там, глядишь, в ином и родничок бы проклюнулся!

Еще жестче следует подзатыльник браконьерством, уже без послажек, скидок на разные якобы смягчающие обстоятельства, называя факты и людей их настоящими именами.

На Волге, например, в Сталинграде браконьеры почти в открытую продают черную икру по четвертному за килограмм. А поужнее у нас, мне как-то рассказывали, знатные, под хмельком «охотники» палили по сайгакам прямо с сидений автомашин, загоняя несчастных животных до смертельного изнеможения, испытывая от этого зрелища полный скотский экстаз. Так почему же народ наш должен терпеть эти нежелательные, так называемые у нас в печати, «пережитки прошлого»?

Опять же, все это просто находка для комедийного киносценариста: браконьеры, как правило, имеют в руках вполне современную снасть для грабежа — серьезную моторную лодку, капроновую сеть, запас взрывчатки, автомашину на ходу, а дурашливая (этакие глупышники из до-революционных фильмов) охрана мечется за ними по бережку пехтурой!

И напоследок еще раз о лесе. Мы зря его сделали отраслью сельского хозяйства, лишили самостоятельного управления и вот, по-моему, начинаем расплачиваться за эту опасную ошибку. Вот и получают с лесом такие не постижимые умом происшествия, что не знаешь, где и какими словами кричать о них. В Калининской и Владимирской областях, сказывают, придумали потрясающую новинку в области животноводства: зимнюю пастбу скота в лесу. Новатор-пастух, вооруженный топориком, гонит овец в лес и там производит кормление их, срубая древесный подрост — что повыше, подгибая — что пониже. Интересный мужичина!

Не трудно себе представить, что из этой новинки получится!

Стоило бы заодно вообще — пусть опять бесполезно — о лесной промышленности поговорить, допускающей баснословную расточительность на лесосеке, сплаве и последующей обработке древесины, но отложим до другого случая этот особый, большой и, признаться, довольно болезненный разговор.

Лес и природа, мало сказать, добрые друзья. Они еще и терпеливые друзья. Они не станут писать рапорта по начальству. Они просто сгинут, если пренебречь их нуждами. Потому-то мы, любящая природа, и должны проявить элементарное благоразумие.

Интереснейшая газета 22.X.60.